

Андрей А. Арсеньев

Дом на краю памяти

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Арсеньев

Дом на краю памяти

<https://litres.ru/74358053>

SelfPub; 2026

Аннотация

В стенах старого дома скрывается древнее зло, которое питается человеческими страхами и стирает реальность.

Бывший преступник Сергей, бегущий от своего тёмного прошлого, находит убежище в проклятом доме. Но его стены хранят тайны пострашнее криминальных дел.

Женщина с сыном становятся его соседями — и жертвами чего-то необъяснимого. Они теряют память, видят кошмары и слышат шёпоты, которых не должно существовать.

Дом живёт своей жизнью. Он искажает время, стирает воспоминания и питается страхом своих обитателей. Здесь реальность трескается, как старая штукатурка, а тишина говорит громче крика.

Этот дом ждёт новых жертв. Он уже открыл свои двери, и обратного пути нет. Потому что в этих стенах время течёт вспять, а память становится смертельным оружием.

Готов ли ты заглянуть за грань реальности? Потому что дом на краю памяти не отпускает тех, кто пересёк его порог.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Андрей Арсеньев

Дом на краю памяти

Глава 1

Поезд дёргался, как больной зверь, и каждый рывок отдавался в груди Сергея тупой, тягучей болью. За мутным окном тянулась бесконечная серая полоса — столбы, заборы, покосившиеся сараи, будто сама земля здесь устала и сдалась. Сергей смотрел на этот унылый пейзаж и думал, что, наверное, так выглядит конец света: не в огне и грохоте, а в этой серой, вязкой тишине, где даже ветер звучит как шёпот чего-то недоброго.

Он сбежал из Петербурга ночью, когда город, казалось, перестал дышать. Ушёл через чёрный ход, мимо ржавой пожарной лестницы, по которой когда-то поднимался с пакетами дешёвого виски для «своих». Тогда он был Серёгой — нужным, опасным, своим в доску. Теперь он просто мужчина средних лет, у которого руки дрожат так, что он едва может держать стакан. В кармане лежал конверт с деньгами — не слишком много, но хватит, чтобы залечь на дно в каком-нибудь забытом богом месте. Он выбрал Сосновку — городок, который на карте выглядел как точка, которую можно стереть ластиком. Место, где можно стать невидимкой.

Или просто исчезнуть.

Сосновка встретила его запахом сырости и тишиной, от которой звенело в ушах. Вокзал был крошечным, почти игрушечным — один зал, одна касса, один автомат с мерзким кофе, который, казалось, стоял тут ещё с нулевых годов. Сергей вышел на перрон, вдохнул воздух, пахнувший углём и мокрым асфальтом, и впервые за неделю почувствовал, как немного отпускает внутри. Здесь его точно не найдут. Здесь никто не знает, кто он такой. Но чем дольше он шёл по узким улицам, тем сильнее становилось ощущение, что за ним наблюдают. Не люди — само место. Дома с облупившейся краской смотрели на него пустыми окнами, как слепые глаза. Ларьки с тусклыми вывесками казались замаскированными ловушками. Всё было слишком спокойным, слишком обычным — и от этого становилось не по себе. В Петербурге даже тишина была напряжённой, звенящей, будто перед выстрелом. Здесь же тишина лежала, как толстый слой пыли, и казалось, что она может задушить.

Сергей снял комнату в старом двухэтажном доме на окраине. Дом был из тех, что строили наспех после войны: тонкие стены, скрипучие полы, окна, которые не закрывались до конца, сколько ни бей по раме ладонью. Хозяйка — сухонькая старушка с лицом, похожим на сморщенное яблоко, — молча протянула ему ключ, посмотрела так, будто знала, что он врёт насчёт командировки, но не хотела знать правду. В её взгляде было что-то такое, что заставило Сергея поежиться.

ся — будто она видела не только его лицо, но и всё, что он пытался спрятать внутри.

Первые дни он почти не выходил из комнаты. Сидел на продавленной кровати, слушал, как на тумбе тикают старые часы, и ждал, что вот-вот в дверь постучат тяжёлые ботинки его бывших «братьев». Но никто не стучал. Только ветер гудел в трубах, да изредка доносились голоса с улицы — чужие, безразличные. И от этого безразличия становилось ещё страшнее.

На четвёртый день, когда запасы еды начали заканчиваться, он всё-таки вышел. Просто чтобы не сойти с ума от тишины. Побрёл по улицам, не разбирая дороги, пока не оказался у небольшого магазина с вывеской «Продукты». Внутри было тепло и пахло хлебом — запах, который вдруг показался Сергею почти невыносимым, потому что был таким нормальным. Таким правильным. И от этого хотелось плакать. Он купил бутылку минералки и буханку чёрного хлеба, а потом, сам не зная зачем, задержался у прилавка, разглядывая витрину с консервами. В голове крутилась одна и та же мысль: «Я здесь. Я живой. Пока».

— Вы новенький, да? — голос прозвучал неожиданно, и Сергей вздрогнул так, будто его ударили.

Перед ним стояла женщина. Не молодая, но и не старая — лет тридцати пяти, может, чуть больше. В её взгляде было что-то странное — смесь усталости и настороженности, будто она привыкла ждать подвоха от каждого встречного. Но в

этой настороженности было и что-то ещё — какая-то тихая надежда, как у человека, который так долго жил в темноте, что уже почти перестал верить в свет.

— Да, — коротко ответил Сергей, стараясь не смотреть ей в глаза. — Недавно приехал.

Женщина кивнула, будто это всё объясняло.

— Тут у нас не любят чужаков, но, если не лезть на рожон, привыкнут. Меня зовут Лена.

Она улыбнулась — криво, неуверенно, как будто сама не верила, что имеет право улыбаться. И в этой улыбке было столько боли, что у Сергея сжалось сердце. Ему вдруг захотелось сказать ей что-то хорошее, что-то, что могло бы эту боль хоть немного унять. Но он не знал таких слов.

— Сергей, — сказал он, назвав своё настоящее имя, хотя и понимал, что не стоило. Но что-то в этой женщине заставляло его быть чуть ближе к правде. Лена кивнула, словно принимая это имя, как принимают чужую тайну.

— Если что нужно — я живу в соседней комнате. Комната семь. У меня сын, Артёмка, ему десять. Иногда он помогает мне с покупками.

Она кивнула на мальчика, который стоял у входа, сжимая в руках пакет с молоком. Он смотрел на Сергея исподлобья, насторожённо, как зверёк, который знает, что мир жесток, но ещё надеется, что его не тронут. В его глазах было что-то такое, от чего у Сергея по спине пробежал холодок — будто мальчик знал что-то страшное, что-то, о чём нельзя говорить

вслух.

— Спасибо, — пробормотал Сергей, чувствуя, как внутри что-то шевелится — не страх, а что-то другое, давно забытое. Сочувствие? Желание помочь? Или просто тоска по чему-то настоящему, не фальшивому, как вся его прошлая жизнь.

Он вышел из магазина, держа в руках пакет с хлебом, и вдруг понял, что впервые за долгое время не чувствует себя загнанным зверем. Здесь, в этом сером городке, среди чужих людей, он вдруг ощутил что-то похожее на покой. Но покой этот был хрупким, как тонкий лёд, и Сергей знал: стоит сделать неверный шаг — и он провалится.

Вечером он сидел у окна, глядя, как сумерки опускаются на двор, и думал о Лене. О том, как странно она смотрела — будто видела что-то, чего не мог увидеть никто другой. И о мальчике, который так крепко сжимал пакет, будто это был его единственный щит от мира. Что-то было не так в их жизни. Что-то тёмное пряталось за обыденностью, за усталостью в глазах Лены, за страхом в взгляде мальчика. Сергей чувствовал это кожей — так же, как когда-то чувствовал опасность в тёмных дворах Петербурга. Только теперь это была не его опасность. Это была их боль. И впервые за много лет ему захотелось не просто выжить, а сделать что-то правильное. Хоть что-то. Но он не знал, хватит ли у него сил. И не знал, имеет ли он право вмешиваться. А за окном уже сгущалась ночь, и в тишине двора слышался чей-то тихий, осторожный шаг. И Сергею вдруг показалось, что этот шаг

— не случайный. Что кто-то идёт не просто мимо, а именно к нему. И что в этом шаге есть что-то знакомое — что-то из прошлой жизни, от чего кровь стынет в жилах.

Глава 2

На пятую ночь в Сосновке Сергей проснулся от звука, который не должен был существовать. Это был тихий, осторожный щелчок — будто кто-то очень аккуратно, почти любовно, повернул ручку двери.

Но не его двери.

А той, что была по ту сторону стены. В соседней комнате. Там, где жила Лена. Сергей лежал, уставившись в потолок, где жёлтое пятно от протечки напоминало расплывшуюся кляксу чернил, и пытался убедить себя, что ему показалось. Но в груди уже ворочалось знакомое, давно забытое чувство — то самое, от которого в Питере он всегда держал нож в кармане куртки. Чувство, которое говорило: кто-то здесь. Кто-то наблюдает.

Он сел на кровати, чувствуя, как холод ползёт по спине, будто по коже провели куском льда. В комнате было темно, только узкая полоска света из-под двери резала пол, как лезвие. Сергей встал, подошёл к стене — к той самой, что разделяла его комнату и комнату Лены. Приложил к ней ухо. Тишина. Такая плотная, что в ней звенело. Потом он услышал шаги. Не в коридоре — внутри соседней квартиры. Медленные, тяжёлые, будто человек ступал в сапогах, но старался не шуметь. И следом — тихий, сдавленный звук, похожий на всхлип. Или на попытку сдержать крик.

Сергей замер, чувствуя, как кровь стучит в висках. Он знал этот звук. Он слышал его раньше — в тёмных подъездах, в чужих квартирах, куда врываются по приказу. Это был звук страха. Чистого, животного, липкого страха, который сковывает горло и не даёт даже вздохнуть. Он хотел подойти к двери, постучать, крикнуть: «Эй, там всё в порядке?» — но что-то его остановило. Может быть, память о том, как легко ломается человеческая жизнь, когда вмешиваешься не вовремя. Или просто страх, что, открыв дверь, он увидит то, чего не сможет потом забыть.

Шаги стихли. И снова — тишина. Такая, что казалось, даже воздух замер. А потом из-за стены донёсся голос. Тихий, хриплый, будто говоривший давно не пользовался им:

— Всё хорошо, Лена. Всё хорошо. Ты просто спишь. Просто спишь...

И следом — шёпот, который Сергей не смог разобрать, но от которого у него волосы встали дыбом. В этом шёпоте было что-то... неправильное. Что-то, что звучало не как утешение, а как угроза, замаскированная под ласку. Сергей отступил от стены, будто штукатурка вдруг стала горячей. Он сел на кровать, обхватил голову руками и попытался дышать. Но воздух был тяжёлым, густым, как сироп.

«Это не твоё дело, — твердил он себе. — Ты здесь, чтобы спрятаться. Чтобы выжить. Не лезь».

Но перед глазами стояло лицо Лены — усталое, с тёмными кругами под глазами, с этой кривой, неуверенной улыбкой, в

которой было столько боли, что её можно было потрогать. И лицо мальчика — Артёма, который сжимал пакет с молоком, как будто это был его щит от всего мира.

К утру Сергей так и не смог снова уснуть. Он сидел у окна, смотрел, как серый рассвет медленно заливает двор, и думал о том, что этот городок — не просто забытое место на карте. Это ловушка. И он уже в неё попал.

Днём он снова пошёл в магазин. Не потому, что ему что-то было нужно — просто он надеялся снова увидеть Лену. И она была там. Стояла у прилавка, держа в руках буханку хлеба, и смотрела куда-то сквозь витрину, будто видела что-то, чего не мог увидеть никто другой.

— Привет, — сказал Сергей, подходя ближе.

Голос звучал хрипло, будто он долго молчал. Лена вздрогнула, будто её ударили, и резко обернулась. На секунду в её глазах мелькнул такой испуг, что Сергею стало не по себе. А потом она узнала его, и страх сменился чем-то другим — усталостью, смешанной с облегчением.

— А, это ты... Сергей, да? — она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой, как старая трещина на стекле. — Ты как, обживаешься?

— Да, потихоньку, — кивнул он, чувствуя, что говорит какую-то банальность, но не зная, что сказать вместо неё. — Тут... тихо.

— Тихо, — повторила она, и в этом слове прозвучало что-то горькое. — Иногда слишком.

Она опустила глаза, и Сергей заметил, как дрожат её пальцы, сжимающие хлеб. На запястье виднелся синяк — тёмный, с фиолетовым отливом, будто кто-то сильно схватил её и не отпускал. Сергей хотел спросить, откуда он, но слова застряли в горле. Вместо этого он сказал:

— Если... если тебе или Артёму что-то нужно, ты скажи. Я тут. Прямо рядом.

Последнее он произнёс почти шёпотом, но в нём прозвучало больше, чем в любой клятве. Лена подняла глаза, и в них мелькнуло что-то — не благодарность, а скорее испуг. Будто она не привыкла, чтобы кто-то предлагал помощь просто так.

— Спасибо, — прошептала она. — Но у нас всё... в порядке.

Но в этом «в порядке» было столько лжи, что она почти звенела. Из-за её спины выглянул Артём. Он стоял, прижавшись к матери, и смотрел на Сергея исподлобья, как будто пытался понять, можно ли ему доверять. В его глазах было что-то такое, от чего у Сергея снова похолодело внутри — будто мальчик знал что-то страшное, что-то, о чём нельзя говорить вслух.

— Ты опять с пакетом, — попытался улыбнуться Сергей, стараясь звучать нормально. — Молоко?

Артём кивнул, не отрывая от него взгляда.

— Он мне помогает, — тихо сказала Лена, кладя руку на плечо сына. — Без него я бы... не справилась.

И в этом «не справилась» было столько боли, что Сергею захотелось просто обнять их обоих и увести куда-нибудь, где нет ни страха, ни теней в коридорах, ни шёпота за стеной. Но он не мог. Он был беглецом. Человеком, за которым охотились. Человеком, который не имел права вмешиваться.

Они вышли из магазина вместе. Шли по узкой улице, где лужи отражали серое небо, как осколки разбитого зеркала. Ветер гнал по асфальту обрывки газет и сухие листья, и казалось, что весь мир состоит из мусора и пыли. Когда они подошли к их дому — старому, двухэтажному, с облупившейся краской, — Лена остановилась у подъезда.

— У нас тут... не всё гладко, — вдруг сказала она, не глядя на него. Её голос звучал так тихо, что Сергей едва расслышал его за шумом ветра. — С соседом. Он... иногда заходит. Говорит, что проверяет, всё ли в порядке. Но... я не помню. После его визитов я просыпаюсь, и у меня такое чувство, будто я... потеряла кусок ночи. Как будто кто-то вырезал его из моей жизни. — Она замолчала, сжала губы, будто пытаясь удержать слова, которые рвались наружу. — И Артём... он что-то видел. Но не говорит. Боится.

Сергей сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Он знал, что сейчас должен что-то сказать — что-то правильное, что-то, что поможет. Но в голове крутилась только одна мысль: я знаю, кто это делает. Я слышал его голос прошлой ночью — прямо за стеной, в соседней квартире.

— Я... я могу помочь, — наконец выдавил он. — Если

хочешь.

Лена остановилась, посмотрела на него — и в её взгляде было столько отчаяния, что у Сергея защемило сердце.

— Никто не может помочь, — прошептала она. — Потому что я... я сама не верю себе. Иногда мне кажется, что это просто сны. Плохие сны, которые смешиваются с реальностью. А иногда... иногда я думаю, что схожу с ума.

Артём прижался к ней ещё сильнее, будто хотел спрятаться от всего мира. Сергей посмотрел на них — на эту хрупкую, сломанную семью, которая держалась на одном только страхе и привычке, — и понял, что не сможет просто стоять в стороне. Даже если это будет стоить ему жизни.

— Я посмотрю, — сказал он. — Просто посмотрю. Без глупостей. Просто... удостоверюсь, что всё в порядке.

Лена хотела что-то сказать, но только кивнула. И в этом кивке было столько благодарности и страха, что Сергей почувствовал, как по спине пробежал холодок. Они стояли у подъезда. Сергей смотрел, как Лена достаёт ключ, как её пальцы дрожат, как она бросает на него короткий, почти умоляющий взгляд.

— Спасибо, — снова прошептала она, стоя на пороге. — Даже за то, что просто... выслушал.

Она вошла внутрь, потянув за собой Артёма. Дверь закрылась с тихим, печальным скрипом, и Сергей остался стоять на крыльце — не уходя, потому что уходить было некуда: он жил в этом же доме, в комнате по соседству.

Он не пошёл «обратно к себе» — он просто остался там, где был, вдыхая сырой, холодный воздух, который пах ржавчиной и бедой. И когда он поднял глаза, ему показалось, что из окна на втором этаже за ним кто-то наблюдает. Окно было тёмным, непроницаемым, как пустая глазница. Но Сергей мог поклясться, что видел, как в нём на секунду мелькнул силуэт — высокий, широкий, с опущенными плечами, будто человек, привыкший нести на себе тяжесть всего мира. Или тяжесть своих грехов. Сергей стоял на крыльце, чувствуя, как ветер пробирает его до костей, и понимал одну простую вещь: зло не пришло откуда-то издалека. Оно жило в этом доме. Оно ходило по тем же коридорам, дышало тем же воздухом. И оно знало, что он здесь. И когда он наконец вошёл в подъезд, ему казалось, что за ним тянется тень — длинная, тонкая, будто вырезанная из самой тьмы. И она шептала ему на ухо: «Ты не сможешь спрятаться. Ни здесь, ни где-либо ещё».

Глава 3

Сергей не сразу пошёл к себе. Он стоял на крыльце, пока холод не пробрался под куртку, пока пальцы не стали деревянными, а дыхание не превратилось в белые клубы пара, которые тут же рвал ветер. Ему казалось, что если он сейчас шагнёт в подъезд, то пересечёт какую-то невидимую черту — и назад дороги уже не будет.

В доме был один подъезд. Комната Лены — в левом крыле, на первом этаже. Его — в правом, тоже на первом. Между ними — тёмный коридор, общий тамбур, пара старых ящиков, набитых никому не нужным хламом, и эта проклятая стена, которая сегодня ночью казалась ему тоньше папиросной бумаги. Он вошёл. Дверь захлопнулась за ним с тяжёлым, окончательным стуком, будто отрезала его от всего нормального мира. В подъезде пахло сыростью, кошачьей мочой и чем-то ещё — затхлым, тяжёлым, как запах старой крови, которую давно замыли, но она всё равно осталась в щелях пола. Лампочка под потолком мигала, как больной пульс: раз — темно, два — тусклый жёлтый свет, раз — темно. В этих вспышках тени метались по стенам, будто живые. Сергею вдруг показалось, что он не один. Что кто-то стоит в углу, прижавшись к стене, и ждёт, когда свет снова погаснет, чтобы сделать шаг.

Он прошёл мимо двери Лены. Остановился. Рука сама по-

тянулась к звонку, замерла в сантиметре от кнопки. Что он скажет? «Я слышал, как к тебе кто-то приходил»? Она и так не верит себе. А если он начнёт рассказывать про шёпот за стеной, она решит, что это он сумасшедший. Или хуже — решит, что он подслушивал. Сергей опустил руку. Постоял ещё секунду, чувствуя, как холод из бетонного пола ползёт вверх по ногам, и пошёл дальше, к своей двери. Ключ дважды не попал в скважину — руки тряслись. Наконец замок щёлкнул, и Сергей шагнул внутрь, захлопнув за собой дверь так, что задребезжали стёкла. Он прислонился спиной к дереву, закрыл глаза и попытался выдохнуть весь этот страх, весь этот холод. Но воздух не хотел выходить из лёгких. Он застрял где-то посередине, тяжёлый и горький.

Остаток дня он провёл, не включая света. Сидел на кровати, смотрел в окно, где сумерки медленно съедали двор, и пытался собрать мысли в кучу. Но они расползались, как тараканы от света. Лена сказала про соседа. Про то, что она теряет куски ночи. И про Артёма, который всё видел и молчал. А Сергей слышал голос. Тот самый хриплый, успокаивающий голос, который звучал как издевательство: «Всё хорошо, Лена. Ты просто спишь». Кто мог так говорить? Кто имел право заходить к ней, когда она не помнит? Ответ был один. Тот, кто живёт рядом. Тот, кто знает расписание. Тот, у кого есть ключи. Сосед. Но какой сосед? В этом доме на первом этаже с её стороны было всего две комнаты. Одна — пустая, с забитыми окнами. Вторая — над ней, на втором

этаже. Или... Сергей вдруг замер. Или тот, кто живёт прямо над ней. Или сбоку. Или... Он вспомнил силуэт в окне. Высокий, широкий. Человек, который привык нести тяжесть своих грехов. И тут его прошиб холодный пот. Хозяйка. Старушка, сдавшая ему комнату. Она говорила, что в квартире над Леной живёт какой-то мужчина. Молчаливый, угрюмый. Всегда в чёрном пальто, даже летом. Она ещё тогда сказала: «Странный он. Но платит исправно». Сергей не придавал этому значения. А теперь эти слова звенели в голове, как колокол.

Он встал, подошёл к окну. Двор уже утонул в темноте. Только редкие фонари бросали на асфальт жёлтые круги, похожие на пятна света в тёмной воде. И в одном из этих кругов он увидел фигуру. Человек стоял у стены дома, почти сливаясь с тенью. Он не двигался. Просто стоял и смотрел. Прямо на окно Сергея. Сердце Сергея пропустило удар, а потом заколотилось где-то в горле. Фигура не шевелилась. Ни шага, ни жеста. Просто стояла и смотрела. И от этой неподвижности было страшнее, чем от крика. Потом человек медленно поднял руку. Не чтобы помахать. Не чтобы пригрозить. Просто поднял — и провёл ладонью по воздуху, будто стирая что-то. Или очерчивая границу. И ушёл. Растворился в темноте, как будто его и не было.

Сергей отшатнулся от окна, будто стекло вдруг стало горячим. Он задернул занавеску, но это не помогло. Ощущение, что за ним наблюдают, не исчезло. Оно стало только гу-

ще, плотнее, как туман.

Ночью он не спал. Лежал, уставившись в потолок, и слушал дом. Скрипы, вздохи, шорохи — старый дом жил своей жизнью, и эта жизнь была недоброй. Часы на тумбе показали два. И в ту же секунду из-за стены донёсся тихий звук. Не шёпот. Не шаги. А что-то другое. Будто кто-то очень осторожно повернул дверную ручку. Щелчок. Тишина. Ещё один щелчок. И потом — скрип. Тихий, едва уловимый, но такой знакомый. Так скрипит старая дверь, когда её открывают не до конца. Сергей сел на кровати. Холод снова пополз по спине, но теперь это был не просто холод — это был лёд. Чистый, острый, парализующий. Он знал этот звук. Он слышал его прошлой ночью. Дверь в комнату Лены. Её открывают. Снова шаги. Тяжёлые, но осторожные. Человек старался не шуметь, но пол всё равно стонал под его весом.

— Не надо, — прошептал Сергей, будто кто-то мог его услышать. — Пожалуйста, не надо.

Из-за стены донёсся тихий всхлип. Потом — голос. Тот же самый. Хриплый, низкий, с этой фальшивой заботой:

— Тихо, Лена. Всё хорошо. Ты просто устала.

И следом — шёпот, который Сергей не мог разобрать, но от которого у него волосы встали дыбом. Он вскочил с кровати. Схватил со стола нож — обычный кухонный, с деревянной ручкой. Не оружие, а так... жалкая защита. Подошёл к двери. Положил ладонь на холодную поверхность. Постоял секунду.

«Ты здесь, чтобы спрятаться, — шептал внутренний голос. — Не лезь. Это не твоё дело».

Но перед глазами стояло лицо Артёма. То, как он сжимал пакет с молоком. Как смотрел исподлобья. Как знал что-то страшное и молчал, потому что боялся. Сергей резко распахнул дверь. Коридор был тёмным. Лампочка опять погасла. Только из-под двери Лены пробивалась узкая полоска света. И из-за неё доносился тихий, сдавленный звук — будто кто-то пытался сдержать крик, но не мог. Сергей сделал шаг. Потом ещё один. Ноги казались чужими, тяжёлыми, будто он шёл по колено в воде. Он подошёл к двери Лены. Приложил ухо. Внутри кто-то двигался. Медленно, уверенно. И голос снова заговорил, на этот раз чуть громче:

— Ты ничего не вспомнишь, Лена. Это будет наш секрет.

Сергей сжал нож так, что пальцы побелели. Он поднял руку, чтобы постучать. Или выбить дверь. Или... И в этот момент из-за спины раздался тихий, скрипучий голос:

— А ты куда это собрался, милоч?

Сергей резко обернулся. В темноте коридора стояла хозяйка. В старом халате, с седыми волосами, собранными в небрежный пучок. Она смотрела на него маленькими, острыми глазами, и в этом взгляде не было ни капли доброты.

— Я... я услышал шум, — выдавил Сергей. — Думал, что... что-то не так.

Хозяйка медленно покачала головой.

— Тут всегда шум, — сказала она. — Дом старый. Он раз-

говаривает. А ты не ходи туда. Не твоё это дело. — Она шагнула ближе, и Сергей вдруг почувствовал запах — резкий, кисловатый, как от старого мяса. — Ты у меня комнату снял, — продолжала она, не сводя с него глаз. — Платишь. И живи себе тихо. А в чужие дела не лезь. Здесь свои порядки. Свои правила.

Сергей хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Он просто кивнул. Хозяйка ещё секунду смотрела на него, будто проверяя, понял ли он, а потом развернулась и пошла прочь, шурша тапочками по грязному полу. Когда она исчезла в темноте, Сергей снова посмотрел на дверь Лены. Полоска света всё ещё пробивалась снизу. Изнутри доносился тихий шёпот — неразборчивый, но от этого ещё более жуткий. Сергей медленно опустил руку. Нож всё ещё был у него в кулаке, но он уже не чувствовал себя сильным. Он чувствовал себя маленьким. И беспомощным. Он вернулся в свою комнату, закрыл дверь и сел на кровать. Нож он положил рядом, но даже это не помогало. Потому что теперь он знал: зло не где-то там. Оно здесь. В этом доме. В этом коридоре. В этой стене. И оно знает, что он здесь.

Глава 4

Утро в Сосновке не наступало — оно просачивалось сквозь щели, как вода сквозь гнилые доски. Серый свет ложился на пол полосами, будто кто-то нарочно расчертил комнату на клетки, чтобы Сергей не мог сделать лишнего шага. Он проснулся не от будильника — от ощущения, что за ним наблюдают. Это чувство было таким плотным, что его можно было потрогать: оно висело в воздухе, как запах гари после пожара. Он сел на кровати, и пружины скрипнули — слишком громко, как будто дом нарочно выдал его присутствие. В комнате пахло пылью и старой краской, но под этим бытовым запахом прятался другой — сырой, подвальный, будто стены впитали в себя все страхи, которые когда-либо испытывали люди в этом доме.

Сергей подошёл к окну. Двор был пуст, но пустота эта была не спокойной, а насторожённой, как у зверя, который замер перед прыжком. Луи отражали небо, но отражения были кривыми, искажёнными, будто стекло было не стеклом, а тонким льдом, под которым шевелилось что-то тёмное. Нужно было двигаться. Стоять на месте означало сдаться этому месту, позволить ему проглотить себя, как оно уже, кажется, глотало Лену. Он вышел в коридор. Лампочка над головой не горела — перегорела, или её выкрутили. В темноте коридор казался длиннее, чем днём, а стены будто сдвинулись ближе,

сжимаемая пространство. Пахло сыростью и чем-то ещё — старым, затхлым, как запах вещей, которые долго лежали в закрытом шкафу. Дверь Лены была прямо перед ним. Он остановился, положил ладонь на холодную поверхность. Дерево под пальцами было шершавым, будто его царапали ногтями. Сергей хотел постучать, но рука замерла в воздухе. Что он скажет? Что ему не дают покоя звуки за этой дверью? Что он слышал голос, который шептал: «Ты ничего не вспомнишь»?

Из-за двери донёсся тихий звук — будто кто-то вздохнул. Или всхлипнул.

— Лена, — тихо позвал он, прижимаясь лбом к дереву.
— Лена, ты там?

Тишина.

Потом — шорох. Скрип половицы. И наконец — щелчок замка. Дверь приоткрылась на ширину цепочки. В щели показалось лицо Лены. Глаза у неё были красные, веки опухшие, будто она плакала всю ночь — или не спала вовсе. Но в её взгляде было что-то новое — не просто усталость, а какая-то отчаянная решимость, как у человека, который наконец-то решился прыгнуть с обрыва.

— Сергей? — прошептала она, и голос её звучал так, будто она давно не пользовалась им. — Что-то случилось?

— Нет, — сказал он, понимая, что лжёт. — Просто... хотел узнать, как ты.

Лена чуть приоткрыла дверь, сняла цепочку, и Сергей увидел её целиком. Она была в старом халате, волосы спу-

таны, на лице — следы высохших слёз. Но самое страшное было не в этом. На её шее, там, где кожа была особенно тонкой, виднелись едва заметные синяки — тонкие, полукруглые, будто кто-то держал её за горло, но не сильно. Достаточно, чтобы напугать. Достаточно, чтобы она забыла. Сергей сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

— Ты... — начал он, но Лена покачала головой, словно заранее знала, что он хочет сказать.

— Не надо, — прошептала она. — Не спрашивай. Я сама не знаю, что происходит.

Она оглянулась через плечо, будто проверяя, не стоит ли кто-то у неё за спиной.

— Артём спит, — сказала она, понизив голос. — Он вчера долго не мог уснуть. Всё спрашивал, слышала ли я что-нибудь.

— И что ты ему сказала? — спросил Сергей.

— Что это дом скрипит, — ответила Лена, и в её голосе прозвучала горечь. — Что старые дома всегда разговаривают.

Они стояли в полумраке коридора, и Сергею казалось, что стены сжимаются вокруг них, выдавливая воздух.

— Я знаю, что ты слышал, — вдруг сказала Лена, глядя ему прямо в глаза. — Вчера, когда мы шли от магазина... ты сказал, что согласишься. Что согласишься, что всё в порядке.

Сергей хотел отступить, сказать, что это была глупость,

что он не должен был обещать, но слова застряли у него в горле.

— Да, — наконец выдавил он. — Да, я посмотрю.

Лена кивнула, будто этого и ждала.

— Спасибо, — прошептала она. — Даже если ты ничего не найдёшь... даже если это всё в моей голове... спасибо, что не считаешь меня сумасшедшей.

Из глубины квартиры донёсся тихий голос:

— Мам?

Лена вздрогнула, быстро вытерла глаза рукавом и повернулась.

— Я тут, Артёмка, — крикнула она, стараясь, чтобы голос звучал бодро. — Сейчас приду.

Она снова посмотрела на Сергея.

— Сегодня я пойду к участковому, — сказала она тихо, почти шёпотом. — Знаю, звучит глупо. Тут все друг друга знают. И если я скажу, что кто-то приходит ко мне по ночам, а я не помню... меня просто выслушают и скажут, что я переутомилась. Но я должна попробовать.

— Я пойду с тобой, — сказал Сергей, и это прозвучало как обещание, от которого нельзя отказаться.

Лена хотела что-то сказать, но только кивнула.

— В два часа, — прошептала она. — Приём с двух.

И закрыла дверь. Щёлкнул замок. И снова — тишина. До двух часов оставалось ещё несколько часов, и Сергей не знал, куда себя деть. Он бродил по своей комнате, как зверь по

клетке, трогал вещи, будто проверяя, настоящие ли они. Нож лежал на столе, тускло поблескивая лезвием. Сергей взял его, повертел в руках, потом положил обратно. Нож не поможет. Не против того, что прячется в тенях этого дома.

Он вышел на улицу. Воздух был холодным, влажным, пах мокрым асфальтом и чем-то ещё — гнилым, затхлым, как запах старых подвалов. Сергей пошёл по двору, не разбирая дороги, пока не оказался у старого гаража, наполовину вросшего в землю. Дверь была перекошена, замок висел на одной петле, будто его давно никто не запирает. Что-то заставило его подойти ближе. Что-то — или кто-то — тянуло его туда. Он потянул дверь на себя. Та скрипнула, как будто протестовала против вторжения, и приоткрылась, впуская внутрь полоску тусклого света.

Внутри было темно. Пахло ржавчиной, плесенью и... кровью. Слабый, едва уловимый запах, который Сергей узнал сразу — он слишком часто с ним сталкивался. Он сделал шаг внутрь, вытянув руку вперёд, чтобы не наткнуться на что-нибудь. И тут его пальцы коснулись чего-то холодного и гладкого. Металл. Труба. Или... Сергей нащупал выключатель. Щёлк. Лампочка под потолком загорелась тусклым жёлтым светом, выхватывая из темноты очертания предметов: старый велосипед без колёс, ящики, покрытые пылью, и... на стене — верёвки. Аккуратно развешанные, как экспонаты в музее пыток. А на полу — тёмное пятно. Засохшее. Коричневое. Сергей отступил, чувствуя, как желудок подка-

тывает к горлу. Он знал этот запах. Он знал эти пятна. И тут он услышал за спиной тихий, скрипучий голос:

— А я всё думаю, куда ты запропастился.

Сергей резко обернулся. В дверях стояла хозяйка. В том же старом халате, с седыми волосами, собранными в небрежный пучок. Но теперь в её глазах не было ни капли доброты — только холодная, расчётливая настороженность, как у хищника, который понял, что добыча его заметила.

— Тут нельзя ходить, — сказала она, не двигаясь с места. — Это частная территория.

— Простите, — пробормотал Сергей, пытаюсь звучать спокойно. — Я просто... заблудился.

Хозяйка медленно покачала головой.

— Ты не заблудился, — сказала она. — Ты ищешь. И знаешь, что ищешь.

Она сделала шаг внутрь, и дверь за её спиной закрылась сама собой, отрезая путь к отступлению.

— Тут у нас свои порядки, — продолжала она, подходя ближе. — Свои правила. И те, кто их нарушает... они долго тут не задерживаются.

Сергей почувствовал, как по спине ползёт холод. Он знал этот тон. Он слышал его раньше — от людей, которые не привыкли, чтобы им перечили. От людей, для которых чужая боль — просто ещё один инструмент.

— Я не нарушаю, — сказал он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я просто живу.

Хозяйка остановилась в метре от него. Её глаза сузились, и на секунду Сергею показалось, что в них мелькнуло что-то... нечеловеческое. Как будто за обликом старушки пряталось нечто древнее, холодное и очень голодное.

— Живи, — сказала она наконец. — Но помни: не всё, что ты видишь, тебе нужно видеть. Не всё, что ты слышишь, тебе нужно слышать.

Она повернулась и вышла, оставив дверь приоткрытой. Сергей стоял, чувствуя, как дрожь поднимается от ног к груди, и понимал: он не просто wszed в чужую историю. Он наступил на хвост чему-то огромному и очень опасному. И теперь оно знало, что он здесь.

Он вернулся домой, но не пошёл к себе. Вместо этого он снова остановился у двери Лены. Постоял секунду, собираясь с духом, и тихо постучал. Дверь открылась почти сразу. На пороге стояла Лена. В её глазах читалось облегчение — и страх.

— Ты вовремя, — прошептала она. — Мы уже собирались.

Из-за её спины выглянул Артём. Он смотрел на Сергея так, будто тот был единственным человеком в мире, который мог их спасти.

— Пора, — сказала Лена. — Пойдём.

Они вышли во двор. Солнце уже поднялось выше, но его свет не грел — он был бледным, водянистым, как свет лампы в больничной палате. Когда они проходили мимо гаража,

Сергей бросил на него короткий взгляд. Дверь была закрыта. Замок висел ровно, будто его никогда и не трогали.

Глава 5

Дорога до отделения полиции была короткой — всего десять минут пешком по разбитому асфальту, мимо покосившихся заборов и домов с заколоченными окнами. Но эти десять минут растянулись для Сергея в маленькую вечность. Каждый шаг отдавался в груди, как удар молотка по наковальне. Он шёл между Леной и Артёмом, чувствуя себя не защитником, а скорее живым щитом — хрупким, ненадёжным, который может треснуть от первого же удара. Артём шёл, крепко сжимая руку матери. Он всё время косился по сторонам, будто ждал, что из-за каждого угла на них выскочит что-то страшное. Иногда он бросал короткие взгляды на Сергея — не с надеждой, а с каким-то усталым ожиданием: мол, ты обещал, что будешь рядом, так будь.

Лена шла быстро, почти бежала, но её шаги были неуверенными, как у человека, который идёт по тонкому льду и боится услышать первый треск. Она то и дело оглядывалась, будто проверяя, не тянется ли за ними чья-то длинная тень.

— Ты уверена, что хочешь этого? — тихо спросил Сергей, когда они свернули на улицу, где стояло одноэтажное здание с выцветшей табличкой «Отделение полиции».

Лена резко остановилась и посмотрела на него. В её глазах была такая смесь страха и решимости, что у Сергея перехватило дыхание.

— Если я не пойду сейчас, — прошептала она, — я больше никогда не пойду. А если я не пойду... значит, я уже сдаюсь.

Они вошли внутрь. В отделении пахло дешёвым кофе, старой бумагой и чем-то ещё — терпким, мужским запахом пота и табака, который всегда витает в местах, где люди привыкли иметь дело с чужой болью. За стойкой сидел молодой парень в форме — лет двадцати пяти, с усталыми глазами и лицом, которое ещё не успело обрасти той особой циничной маской, какую носят бывалые полицейские. Он поднял голову, увидел их, и на секунду в его взгляде мелькнуло что-то похожее на сочувствие — но тут же исчезло, сменившись привычной отстранённостью.

— Чем могу помочь? — спросил он, не слишком дружелюбно, но и не враждебно. Просто по долгу службы.

Лена открыла рот, закрыла, потом снова открыла. Слова будто застряли у неё в горле, тяжёлые и неповоротливые. Сергей сделал шаг вперёд.

— Моя соседка, — сказал он, стараясь говорить спокойно, без нажима. — Она считает, что к ней кто-то приходит по ночам. А она... не помнит.

Парень за стойкой чуть приподнял бровь.

— Не помнит? — переспросил он. — То есть, она не уверена?

— Я слышу, — вдруг тихо, но твёрдо сказал Сергей. — Я живу в соседней комнате. Я слышу шаги. Слышу голос.

Полицейский посмотрел на него, потом на Лёну, потом снова на Сергея. В его взгляде появилось что-то новое — не недоверие, а скорее... осторожность. Как будто он услышал слово, которое ему не положено слышать.

— Имя, фамилия, адрес, — сухо сказал он, доставая бланк. — И расскажите всё по порядку.

Лёна начала говорить. Сначала сбивчиво, запинаясь, глотая слова. Потом, когда Сергей тихо сжал её локоть, голос стал ровнее. Она рассказывала про «визиты», про то, как просыпается с чувством, что из её жизни вырезали кусок, про синяки, которые появляются сами собой. Про Артёма, который всё видел, но молчит. Полицейский слушал, не перебивая. Только иногда делал короткие пометки в бланке. Когда Лёна закончила, он откинулся на спинку стула и посмотрел на них долгим, тяжёлым взглядом.

— Вы понимаете, как это звучит? — наконец спросил он. — Без свидетелей, без доказательств... у нас тут не мистика, а уголовный кодекс.

— Я свидетель, — сказал Сергей. — Я слышал.

Полицейский чуть наклонил голову, будто прислушиваясь к чему-то, чего не слышали остальные.

— Слышал, — повторил он. — Но не видел.

Он помолчал, потом вздохнул — не раздражённо, а устало, как человек, который слишком часто видит, как рушатся чужие надежды.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я запишу заявле-

ние. Но вы должны понимать: без улики, без прямых доказательств... мы можем только поговорить с подозреваемым. А если он скажет, что ничего не было...

— Пусть говорит, — перебила его Лена. Её голос дрожал, но в нём появилась сталь. — Пусть просто говорит. Может, тогда я пойму, что со мной происходит.

Полицейский кивнул, снова вздохнул и начал заполнять бумаги. Пока он писал, Сергей смотрел в окно. За стеклом двор казался таким же серым и унылым, как и весь этот городок. Но в одном из окон на втором этаже дома напротив он вдруг заметил движение. Кто-то стоял там. Не шевелясь. Смотрел прямо на отделение. Фигура была тёмной, размытой, но Сергей мог поклясться, что узнал её. Высокий, широкий силуэт. Человек, который привык нести тяжесть своих грехов. И тут, сквозь стекло, до Сергея донёсся тихий, едва уловимый звук — такой, какой он слышал прошлой ночью за стеной. Хриплый, низкий голос, шепчущий что-то неразборчивое. Сергей резко обернулся, будто хотел проверить, не слышит ли это кто-то ещё. Но Лена и полицейский были заняты бумагами. Артём сидел на скамейке, уткнувшись носом в колени. А когда Сергей снова посмотрел в окно, фигура исчезла. Будто её и не было.

Когда они вышли из отделения, воздух показался Сергею ещё холоднее, чем раньше. Будто само небо стало ниже, плотнее, давило на плечи.

— Ну вот, — тихо сказала Лена, словно пытаясь убедить

саму себя. — Теперь они знают. Теперь... что-то будет.

Но в её голосе не было уверенности. Только надежда, тонкая и хрупкая, как лёд на луже. Они пошли обратно. Тот же путь, те же покосившиеся заборы, те же пустые окна, следящие за ними, как глаза. Когда они подошли к дому, Сергей остановился. Что-то было не так. Дверь подъезда была открыта — чуть-чуть, на пару сантиметров. Этого не могло быть. Хозяйка всегда запирала её на ключ. Всегда.

— Подождите здесь, — тихо сказал он, поднимая руку. — Я посмотрю.

Лена схватила его за рукав. Её пальцы впились в ткань, как когти.

— Не надо, — прошептала она. — Давай просто... зайдём ко мне. Или к тебе. Куда угодно, только не будем стоять тут. Сергей покачал головой.

— Нельзя, — прошептал он. — Если там кто-то есть, лучше я первый встречу.

Он толкнул дверь. Та открылась с тихим, жалобным скрипом. Внутри было темно. И тихо. Слишком тихо. Из глубины подъезда донёсся тихий звук. Не скрип, не шорох. А что-то другое. Будто кто-то очень осторожно вздохнул.

Сергей шагнул внутрь. И в ту же секунду из темноты коридора раздался голос. Знакомый. Хриплый. Тот самый, который он слышал за стеной:

— А я всё думаю, куда ты запропастился.

Голос был совсем близко. Слишком близко. Сергей замер,

чувствуя, как кровь стынет в жилах. Потом он увидел его. Человек стоял в полумраке, у самой стены. Высокий, широкоплечий, в тёмном пальто, которое казалось выкроенным из самой тени. Лицо было в тени, но Сергей видел глаза. Холодные. Пустые. Как две чёрные дыры, в которых не было ничего — ни гнева, ни радости, ни даже злобы. Только пустота.

— Кто ты такой? — хрипло спросил Сергей, сам не узнавая своего голоса.

Мужчина медленно улыбнулся. Улыбка была кривой, неестественной, будто он давно не пользовался ею и забыл, как это делается.

— Тот, кто следит за порядком, — прошептал он. — В этом доме. В этом городе. В этой жизни.

Он сделал шаг вперёд, и Сергей отступил, чувствуя, как за спиной сжимается пространство.

— Ты не должен был лезть, — продолжал мужчина, его голос звучал как шелест сухих листьев по асфальту. — Ты не должен был слушать. Не должен был слышать.

Сергей сжал кулаки, пытаясь найти в себе остатки храбрости.

— Она не твоя, — сказал он, и в этих словах было больше вызова, чем во всех его прошлых драках. — Она никому не принадлежит.

Мужчина снова улыбнулся. На этот раз улыбка была почти доброй. Почти.

— Ошибаешься, — прошептал он. — Здесь всё кому-то принадлежит. Даже воздух. Даже тишина. Даже сны.

Он поднял руку. Медленно. Спокойно. Как человек, который знает, что ему не нужно спешить. И в этот момент из-за спины Сергея раздался голос Лены. Тихий, дрожащий, но твёрдый:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.